

СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

У роботі досліджено процес формування термінологічних одиниць шляхом десимволізації лексики. Розглянуто функціонування цього способу та його значення для формування юридичної термінології. Лексичну базу аналізу складає масив лексики української, російської та німецької юридичних терміносистем.

Ключові слова: десимволізація, юридичний термін, смислова основа терміна.

Баланаева О.В. Смысловые основы юридических терминов. В работе исследуется процесс формирования терминологических единиц путем десимволизации лексики. Рассматривается функционирование этого способа и его значения для формирования юридической терминологии. Лексическую базу анализа составляет массив лексики украинской, русской и немецкой юридических терминосистем.

Ключевые слова: десимволизация, юридический термин, смысловая основа термина.

Balanaeva O.V. Meaningful bases of the legal terms. The work deals with the analysis of the process of forming terminological units by means of lexis desymbolization. The functioning of this way and its meaning for forming legal terminology is examined here. The lexical base of analysis is formed with the complex of lexis of the Ukrainian, Russian and German legal terminological systems.

Keywords: desymbolization, legal term, meaningful base of the term.

Данное исследование посвящено процессу формирования терминологических единиц права. Среди многообразия способов формирования терминологических единиц нами выделен способ десимволизации, который связан с утратой словом символического значения и превращением его в термин за счёт сужения сферы употребления. Мы рассмотрим многообразные проявления данного способа, установим его значение для формирования юридической терминологии, поскольку именно право, как система общеобязательных социальных норм, установленных государством, регулирует практически все сферы деятельности человека. Существование современного цивилизованного общества трудно представить без правовой системы. Лексическую базу анализа составляет массив лексики украинской, русской и немецкой юридических терминосистем. **Актуальность** настоящего исследования определяется: 1) обстоятельствами глобализационных и интеграционных процессов современного общества; 2) объективной необходимостью установления правовых отношений в международном масштабе. Последнее возможно при обеспечении адекватного понимания содержания терминологического выражения как явления межсоциумной правовой практики. Филологическое обеспечение данного процесса представляется принципиально значимым и объективно востребованным.

Уместно подчеркнуть, что проблема формирования национальных терминологий права особенно актуальна для государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Отсюда оправданным представляется обращение к анализу функционирования языка права в его терминологической составляющей (в различных аспектах). В частности, в настоящем исследовании прежде всего будут рассмотрены широкие возможности формирования юридических терминов с точки зрения утраты символического начала соответствующих слов, носителей известных смыслов. Говоря о типологии исследовательского интереса к данной проблематике, условно можно выделить следующие направления в ее анализе: 1) диахроническое (В. М. Живов [Живов 2002], М. А. Брицын [Брицын 1965] и др.) и 2) палеантолого-этимологическое (Н. Я. Марр [Марр 1935], Н. А. Луценко [Луценко 2009] и др.). Нами по возможности учтены достижения каждого из названных направлений.

Целью данной работы является многоплановое исследование и описание смысловых основ лексических единиц права. Реализация этой цели определила необходимость решения следующей исследовательской **задачи** – исследовать процесс десимволизации слов, т.е. превращение слов в терминологические единицы прежде всего посредством восстановления их смысловых основ (на примере ряда лексем украинского, русского и немецкого языков).

Объектом исследования является лексика юридической терминисферы указанных языков. **Предметом** исследования выступает формирование терминов права как результата

процесса десимволизации соответствующих слов (понятий). Привлекаемый к изучению материал в работе рассматривается с позиций системного подхода. С целью получения объективных данных при определении смысловых основ терминологических единиц права используются описательный и сопоставительный методы, метод семантических пучков (рядов). Новизна данной работы заключается в детальном научном анализе десимволизации лексических единиц как универсального способа формирования юридической терминологической системы. Впервые проводится исследование трёх национальных терминологий – немецкого, русского и украинского языков; осуществляется историко-этимологический анализ смысловых основ терминологических единиц. Теоретическая значимость работы определяется возможностью ввести проблему формирования терминов права в контекст теории языка, исторической лингвистики, терминоведения. Предложена методика описания процесса терминологизации (десимволизации) лексических единиц. Описание терминов права осуществляется с учётом специфики данной понятийно-семантической области.

Согласно нашим исследованиям, термин является знаком, утратившим свои символические свойства. Символ выступает как одно из сложных понятий, характеризующихся внутренней противоречивостью, которая проявляется в его двуплановости. Для решения вопроса о формировании слова-символа и его дальнейшего перехода в слово-знак необходимо вернуться к начальному периоду становления языка. Символ как общественное явление имеет объективный источник возникновения, он развивается в соответствии с изменениями в общественной жизни, где функционирует как социальная побудительная сила. В символе находят гармоничное единство сущностные характеристики человека: сознание и деятельность. Это дает возможность анализировать символ и как знаковую форму отражения социальной действительности в сознании людей, и как необходимый элемент деятельности. В последней же заключается и источник способности человеческого сознания отражать действительность.

Основным семантическим процессом, каузирующим терминологизацию слова, является десимволизация его как лексической единицы. Десимволизация рассматривается как один из перспективных номинативных процессов, понимание которого возможно через восстановление смысловых основ терминологических единиц. Десимволизация – универсальный процесс, но в рамках настоящего исследования мы ограничиваемся анализом лексики, составляющей корпус терминологии права в украинском, русском и немецком языках.

Авторы работы «Символ и сознание» М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский выделяют первичные и вторичные символы. Если первичные символы (и соотносимые с ними первичные мифы) лежат на уровне спонтанной жизни сознания и спонтанного отношения индивидуально-психических механизмов к содержательностям сознания, то вторичные символы фигурируют на уровне мифологической системы, которая как система сама является результатом идеологической (научной, культурной и т.п.) проработки, интерпретации [Мамардашвили 1997, с. 134]. В данном случае ко вторичным символам относятся и термины как явления научной мифологии.

В нашем исследовании символ и термин представлены как явления культуры. Обратимся к рассмотрению культуры с точки зрения семиотической природы её составляющих. За сравнительно короткий срок в обществе происходит множество социальных контактов. Такое множество социальных взаимодействий является возможным благодаря наличию в обществе широкого семиотического поля. В числе важных компонентов этого поля следует указать естественный язык, артефакты культуры, а также принятые в обществе символы, к которым относятся различные системы знаков. Благодаря семиотическому полю действия людей оказываются до определённой степени упорядоченными и скоординированными. Культура, как семиотическая система, является наиболее универсальной, сложно структурированной и стабильной во времени. Любой законченный объект культуры представляет собой определённым образом организованную

семиотическую систему. Следовательно любой объект может быть «прочитан». Поскольку он по своему генезису предназначен для этого. Любому культурному объекту присущ символический язык. Восприятие культурного объекта есть процесс его десимволизации. Это становится возможным лишь тогда, когда символический язык является доступным как целостная семиотическая система на всех его уровнях (семантическом, синтаксическом, прагматическом). Процесс десимволизации является длительным и сложным процессом, в результате которого значение слова становится более узким. Семантическая коррекция, вызванная процессом утраты символического начала, определила сужение рамок функционирования слова.

Следует также отметить, что мировоззрение человека эгоцентрично. Проявление эгоцентристского мировоззрения в языке позволяет принять тело человека в качестве исходной точки в процессе локализации предметов в пространстве [Cassirer 1997, с. 271; Levi-Bruhl 1956, с. 110]. Последнее важно для понимания того, как формировался язык.

Рассмотрим на конкретных примерах процесс восстановления смысловых основ лексических единиц терминологии права.

Нем. *Gesetz*, n 'закон' [НПЮС 1996, с. 201]. «*Gesetz ist im materiellen Sinn jede abstrakte und generelle Regelung (die meisten formellen Gesetze, die Rechtsverordnungen, die Satzungen) und im formellen Sinn jeder vom Parlament im besonderen Gesetzgebungsverfahren verabschiedete Beschluss*» [Köbler 1999, с. 176]. 'Закон в материальном смысле – это любое абстрактное или общее правило (большинство формальных законов, правовые предписания, уставы), и в формальном смысле – любое решение, принятое парламентом в процессе законодательства'. Рассмотрим данные этимологического словаря: *Gesetz* < *setzen* 'назначать, определять, предписывать'; ср.-в.-нем. *gesetze* 'назначение' [Duden 2001, с. 272]. Глагол *setzen* – ср.-в.-нем. *setzen*, др.-в.-нем. *sezzen*, гот. *satjan*, англ. *to set*, швед. *sätta* 'sitzen machen', 'посадить' – родственен с др.-инд. *sādayati*, рус. *cadum*. Древнее значение глагола 'определять, предписывать', с 14 века, собственно, 'Recht setzen', 'устанавливать право' – *Gesetz* и *Satzung* [Duden 2001, с. 764]. В своём исследовании В.В. Левицкий указывает на германскую реконструированную форму **setjan* 'сидеть', праславянскую – **sěděti* и приводит индоевропейские корни **sed-* /*sēd-* /*sod-* /*sōd* [Левицкий 2010, с. 446]. В слове *Gesetz* – *ge* является приставкой: ср.-в.-нем. *ge-*, *gi-*, гот. *ga-*, англ. *ge-*, др.-исл. *g-* имеет значение 'вместе, с' [Duden 2001, с. 251]. *Ge-* = 'вместе', 'рядом', 'к' – идея (нарастания) близости связана с рукой, 'рука' же = 'рот' [Луценко 2003, с. 113]. Далее рассмотрим *-setz*, где *-se-* ↔ *-si-*, поскольку *e* и *i* перебойная пара небных гласных [Март 1935, с. 450]. *Si-* то же, что в укр. *ci-* < *cy* = 'тьма'. «Отметим, что фонетически превращение *cy* в *зад*, *сад* (*cadum*) надлежит связывать со сдвигом у *z[h]a* и субституцией *z* – *d*, *m*: 1) *cy* > *c z[h]a* > *cda* (> *c'da* > укр. *cidati* 'сидеться', рус. *при-седа-ть* и пр.) > *зда* > *зад*; 2а) ...*cda* > *cad* > *посадить* > *садить*» [Луценко 2009, с. 242]. То, что находится сзади, мыслилось как не видное, темное – отсюда пересечения названий темноты с названиями предметов, имеющих 'заднюю' пространственную локализацию (рус. *сумрак*) [Луценко 2003, с. 117]. Чередование согласных *tz* = *tt* = *t* = *d* позволяет сделать вывод, что *t/d* выполняет функцию обозначения артефактности. При восстановлении смысловой основы термина необходимо исходить из идеи возвратности, возмездия за неблагочестивые деяния.

Следовательно, идея возмездия является смысловой основой терминов нем. *Gesetz*, n 'закон', *gesetzlich* 'законный', *Gesetzlichkeit*, f 'законность', *Gesetzlässigkeit*, f 'закономерность; законность'. Слово *Gesetz* является составной частью 94 терминов. Процесс десимволизации указанного слова можно рассматривать в аспекте конкретизации, семантической актуализации данной лексической единицы.

Рус. закон [РНЮС 1995, с. 136]. «*Закон обладает наибольшей юридической силой по отношению к нормативным актам всех иных органов государства*» [БЮС 2006, с. 232]. По данным этимологического словаря русского языка, слово *закон* встречается во всех славянских языках, что свидетельствует о его древности. Ш. Ондруш считает, что праслав. *zakonъ* является дериватом с аблаутом от глагола праслав. *začeti* < *za-ken-ti*. Иначе говоря, указанный

автор выступает сторонником точки зрения «закон – начало». После того, как в доисторическую эпоху, полагает Ондруш, в праславянском произошло семантическое изменение ‘начало’ → ‘закон’, возник новый дериват **za-ken-tъkъ* > *zачѣтъkъ* ‘начало’. «О семантической соотносимости ‘начало’: ‘принцип, закон’ свидетельствует лат. *principium* с первым значением ‘начало’» [Ондруш 1986, с. 178]. Мы предлагаем иную точку зрения: «закон – возмездие». Это значит, что слово *закон* мы связываем со средствами выражения смысла ‘тьма’. ‘Тьма’ как ‘темное’, ‘не видное’ – это то, что находится сзади и что (понятийно) могло быть приспособлено для обозначения смысла попятного движения. Первый элемент разбираемого слова, *за-*, как раз и можно соотносить со словом *зад* [Луценко 2009, с. 301], что вполне отвечает потребностям нашего анализа. Вторая часть, *-кон* (< *кна* < *ку*), как следует из обращения к тому же источнику, соответствует слову *ночь*, что также демонстрирует известное отношение к смыслу ‘тьма’ [Луценко 2009, с. 232]. Поскольку лексическая единица предикативна, закономерно, что первая часть термина равна его второй части: *за* = *кон*. Итак, в слове *закон* отражена идея возмездия, т.е. ‘закон’ – это выражение паритета между проступком и наказанием за правонарушение. ‘Возврат’, ‘воздаяние’, ‘мера’ – смыслы, которые являются содержательной основой терминов с частью *закон-*: рус. *законно, законность, законный, законовед, законоведение, законодатель, законодательный, законодательство, закономерность, закономерный, законоположение, законопослушный, законопроект, законотворческий*, а также укр. *закон, законність, законодавець, законодавство, законодавчий, законопослушний, законопослушність* [Мисик 1999, с. 19-20]. Произошла десимволизация слова, поскольку оно вошло в другую сферу употребления.

Нем. *Klage*, f ‘иск; жалоба; прошение’ [НРЮС 1996, с. 253]. «*Klage ist das Begehren des Klägers an das Gericht auf Rechtsschutz gegenüber dem Beklagten*» [Köbler 1999, с. 235]. ‘Иск – это обращение истца к суду с просьбой о правовой защите по отношению к ответчику’. Проследим этимологию этого слова: ср.-в.-нем. *Klage*, др.-в.-нем. *klaga* ‘боль, причитания, обвинение (в суде)’, **gal* – ‘звать, кричать’. Сравните также лат. *clamare* ‘кричать, вопить, взывать’ [Duden 2001, с. 408]. В. В. Левицкий также считает, что и.-е. **gal-* продуцирует в германских языках корень **klag-* [Левицкий 2010, с. 323]. Для восстановления смысловой основы термина рассмотрим его первую часть *kla-*. Изначально *kla* представляет собой переход из *kua*, что, в свою очередь, образовано от *ku* = ‘к’ [Луценко 2009, с. 19]. ‘К’ соотносится с ‘рукой’ / ‘ртом’. Крик, жалоба являются результатом действия рта.

Во второй части слова *-ge* образовано предположительно от *ga* (*hwa*), подобные колебания гласных исследованы и доказаны [Луценко 2009, с. 69]. *Ga* < *ha* < *hua* / *hu*, сравните рус. *ни гугу* ‘не говорить, не понимать’ или укр. *зукати* ‘звать’. Проведённое исследование позволяет нам утверждать, что *hua* / *hu* имеет смысл ‘зва’-. Зов же является результатом речевой деятельности.

Следовательно, ‘рот’ является смысловой основой терминов нем.: *klagen* ‘предъявлять иск, подавать в суд; жаловаться’, *Kläger*, m ‘истец, жалобщик’, *Anklage*, f ‘обвинение’, *Ankläger*, m ‘обвинитель’.

Укр. *позов* [Мисик 1999, с. 317]. «*Позов – звернення заінтересованої або іншої уповноваженої на те особи до суду з проханням про розгляд спору і захист суб'єктивних прав*» [ПЮЕ 2003, с. 338]. Термином *позов* в восточно-славянских языках начального периода их формирования выражалось значение ‘вызов в суд’ [Брицын 1965, с. 105]. Слова *позов* и *позыв* отмечаются в русских народных говорах, в украинском литературном языке наблюдается лишь *позов* в значении ‘иск, тяжба’ [Брицын 1965, с. 106]. Рассматривая корень данного термина *зов-*, определим, откуда в нём согласный з. Палатализация, как известно, происходит на стыке согласных (ср. имеющие одну и ту же семантику бел. *нельга* и рус. *нельзя*), поэтому *зов* восходит к *зва* || *zwa*. В свою очередь *зва* можно возводить к *gva*, а последнее – к *gy* (*hwa* ← *hu*). Примитив *hu/gy*, как и слово *гугу* (основная составляющая фразеологизма *ни гугу*), конкретно отсылает ко ‘рту’ [Луценко 2003, с. 123]. Можно говорить о соответствии названного действия (звать) указанному юридическому понятию. Следовательно, смысл ‘рот’ является смысловой основой терминов укр. *позов, позовний*,

позивач. Знаком включения процесса десимволизации исследуемого слова становится утрата части его семантической актуализации.

Рус. *иск* [РНЮС 1995, с. 177]. «**Иск** – в процессуальном смысле – обращение истца (предполагаемого носителя субъективного материального права) к суду с просьбой о рассмотрении и разрешении материально-правового спора с ответчиком (предполагаемым носителем субъективной обязанности) и о защите нарушенного субъективного права или охраняемого законом интереса» [БЮС 2006, с. 281]. Известно, что словом *искати* в языке восточных славян древнерусского периода выражалось понятие ‘вести тяжбу’, ‘домогаться судом’ [Брицын 1965, с. 127]. Н.А. Луценко считает, что «смысл ‘искать’ – типичная целевая функция перемещения, поэтому, скорее всего, изначально ‘искать’ = ‘идти’» [Луценко 2003, с. 109]. Лингвист также отмечает, что «в употреблении глагола *искать/ищу* (форма *ищу* указывает на родство с *шукати*) проявляется оттенок ‘пытаться’, ‘пробовать’ (~ ‘исследовать’), который намекает на причастность к отмеченному кругу связанных значений смысла ‘рот’. Последний и сам по себе связан с идеей дороги (‘рот’ > ‘дыра/проход’ > ‘дорога’)» [Луценко 2003, с. 109-110]. Как мы уже отмечали, ‘рот’ семантически соотносится с ‘рукой’. Но в древности ‘рука’ и ‘нога’ обозначались одинаково (ср. нем. *Schuh* ‘обувь’ < ‘нога’). Следовательно, смысл ‘нога’ (> ‘идти’ > ‘искать’) является смысловой основой терминов: рус. *иск, искать, истец, истица*. Потеря широкого семантического пространства в процессе исторического развития определяет узконаправленное использование данной лексической единицы.

Нем. *Verhör*, n ‘допрос’ [НРЮС 1996, с. 515]. В этимологическом словаре немецкого языка приводятся следующие данные: ср.-в.-нем. *Verhōere* ‘допрос’ произошло от ср.-в.-нем. *hæren*, др.-в.-нем. *hōran, hō[r]en*, гот. *hausjan*, англ. *to hear*, швед. *höra* ‘слушать’, лат. *cavere* ‘быть бдительным’ [Duden 2001, с. 345]. Первая часть слова *ver-* (ср.-в.-нем. *ver-*, др.-в.-нем. *fir-, far*) [Duden 2001, с. 887] соответствует лат. *per-* ‘через’, ‘в течение’, ‘через посредство’, ‘с помощью’. В данном случае этимологический анализ *ver-* отсылает, возможно, к реляции *ver = per* и проявлению смыслов ‘посредник’, ‘помощник’. Обратимся к рассмотрению корня слова *hör-*. Сравнивая древне-верхне-немецкий и готский варианты корня и используя знания фонетических процессов, мы попытаемся восстановить праформу корня *hör* ← *hor*. В данном случае, возможно, этот корень является производным от слова нем. *Ohr* ‘ухо’. Сравните др.-в.-нем. *hōran, hō[r]en*, гот. *hausjan* ‘слушать’ и ср.-в.-нем. *ōre*, др.-в.-н. *ōra*, гот. *ausō* ‘ухо’, а также англ. *ear*, швед. *öra*, греч. *oīs*, лат. *auris* ‘ухо’ [Duden 2001, с. 569].

Следовательно, смысл ‘уши’ являются смысловыми основами терминов нем. *Verhör, n* ‘допрос’, *verhören* ‘допрашивать’. Знаком включения процесса десимволизации исследуемого слова становится утрата части его семантической актуализации.

Рус. *допрос* [РНЮС 1995, с. 120]. «**Допрос** – получение в порядке, установленном законом, уполномоченным должностным лицом правоохранительных органов информации об обстоятельствах, подлежащих установлению, от указанных в законе лиц, её фиксация в протоколе следственного или судебного действия, в приложениях к протоколу в виде схем, аудио-, кино-, видеозаписи и удостоверение идентичности зафиксированной информации той информации, которая была сообщена допрошенным допросившему лицу» [БЮС 2006, с. 211]. В этом слове рассмотрим сначала приставку *до*: укр. *до* ‘до’, ‘к’, ‘в’, болг. *до* ‘до’, ‘к’, ‘возле’, с.-х. *до* ‘до’, ‘возле’, др.-рус. и ст.-сл. *до* ‘до’, ‘к’, ‘в’ [Черных 2007, с. 257]. Данная приставка употребляется для образования глаголов со значением исчерпанности действия (совершенного вида). Это значение (скрыто) типологически соотносится с одним из предметных смыслов, который будет выявлен при анализе корня слова *прос-*. В этом корне относительно прошлого мы можем допустить чередование плавных согласных *p* и *l* [Март 1935, с. 134]. Значит, *прос-*, возможно, когда-то имело вид *плас-*. Можно предположить, кроме того, усиление в *l* согласного *v*: *плас-* ← *пвос-*. Слог *во* (< *ва*) является модификацией *y* [Луценко 2003, с. 85]. Из этого следует, что *пвос-*, вероятно, происходит из *пус-*. Звук *n*, далее, можно рассматривать как результат усиления протетического *v* в *n*: *пус* ← *вус* || *ус*. Слово *ус* является обозначением предмета, который по признаку пространственной близости

соотносится со 'ртом'. Первая часть исследуемого термина указывает на исчерпанность действия, т.е. отсутствие его в поле зрения, что типологически соответствует смыслу 'тьма'. Вторая часть семантически соотносится со смыслом 'рот', что отвечает тому же смыслу. Разбираемое слово, однако, лексически ориентировано не на приставку, а на корень. Поэтому смысл 'тьма' выступает здесь в конкретном значении – 'рот'. Следовательно, смысл 'рот' является смысловой основой терминов рус. *допрос, допросить, допросный* и др. Процесс десимволизации указанного слова можно рассматривать в аспекте конкретизации семантической актуализации данной лексической единицы.

Рассмотрение вышеизложенного материала позволяет сделать вывод о продуктивности процесса формирования терминологических единиц путем десимволизации лексики. Данный процесс сложен и недостаточно изучен. Мы опираемся на подход к слову как единице, которая сущностно обусловлена актом предикации. Рассмотрение процессов восстановления смысловых основ терминов позволяет более полно, более подробно представить процесс формирования терминологических единиц. В нашей работе находят свою реализацию нетрадиционные принципы этимологического анализа. По нашим наблюдениям, наряду с семантическими сдвигами отмечается экстенсивное фонетическое преобразование слова, что представляет собой одно из важнейших средств предикативной обработки лексической единицы. В аспекте диахронии для структуры слова мы придерживаемся идеи предикативного соединения в его составе однозначных примитивов. В качестве отправного пункта фонетических преобразований выступает стык согласных, который является источником смягчений, фонетических добавлений, вставок и т.д. Мы считаем, что исторически имели место: развитие вокализма в направлении от *u* ($u \rightarrow i$, $u \rightarrow y$ и др.); появление мягкости на стыке согласных; трансформации $u \rightarrow wa$ ($aw \rightarrow a$) и др.; усиление звуков ($h \rightarrow r$; $w \rightarrow l$ и др.); использование технических взрывных перед щелевыми и плавными и др.

В языке проявляется эгоцентристское мировоззрение, поэтому именно тело представляет собой исходную точку в процессе локализации субъектов и предметов в пространстве. Данный вывод позволяет объяснить тот факт, что у разных юридических терминов можно определить одну и ту же смысловую основу. В результате анализа было установлено, что у лексических единиц немецкой, украинской и русской юридических терминосистем определена одна и та же основа, например: у терминов нем. *Klage*, f 'иск', 'жалоба', укр. *позов* – смысловая основа 'рот'; нем. *Gesetz*, n 'закон', укр., рус. *закон* – смысловая основа 'идея возврата, возмездия'. В процессе восстановления смысловых основ юридических терминов установлены две тенденции – схожесть и различие основ терминов, выражающих одни и те же понятия в разных языках. Объясняется это тем, что языки принадлежат к разным языковым группам, где действуют свои традиции и свои законы, иная история, иная ментальность. Кроме того следует указать и на тот факт, что в терминологии выделяют терминологические единицы как заимствованные, так и автохтонные. Термины автохтонные в отличие от заимствованных, связаны с языком, в рамках которого можно объяснить их семантическую, фонетическую и морфологическую историю. У данных лексических единиц и их дериватов выделяют большее число семантических рядов, чем в иной категории терминов.

Рассмотрение процесса десимволизации лексических единиц позволяет сделать **вывод** о том, что функционирование слов в контексте определённых семантических параметров определяет изменение содержания его символического начала. Слова употребляются в более узком значении, так как стали терминами.

Теоретические наработки, использованные в работе, могут применяться для описания процесса формирования других терминосистем. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе при чтении курсов общего языкознания, сопоставительной лексикологии, в практике курсового или дипломного проектирования, при подготовке узкоспециализированных юридических словарей, при составлении учебников и учебных пособий для студентов филологических и юридических специальностей.

Література

БЮС – Большой юридический словарь / под ред. проф. А. Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 858 с. *Брицын М. А.* Из истории восточно-славянской лексики / М. А. Брицын. – К.: Наукова думка, 1965. – 159 с. *Живов В. М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема / В. М. Живов / Разыскания в области истории и предистории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.187-304. *Левицкий В. В.* Этимологический словарь германских языков: в 2 т. / В. В. Левицкий. – Винница: Нова Книга, 2010. – Т. 1. – 2010. – 616 с. *Луценко Н. А.* Введение в лингвистику слова / Н. А. Луценко. – Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2003. – 144 с. *Луценко Н. А.* Истории наших слов: диахронно-лексикологические этюды / Н. А. Луценко; Донецкий национальный университет. – Донецк: изд-во «Вебер» (Донецкое отделение), 2009. – 370 с. *Мамардашвили М. К.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский; под общ. ред. Ю. П. Сенокосова. – М.: Шк. «Языки русской культуры»; Кошелев, 1997. – 217 с. *Мисик Л. В.* Українсько-англійський словник правничої термінології / Л. В. Мисик. – Київ: Юрінком Інтер, 1999. – 528 с. *НРЮС* – Немецко-русский юридический словарь: ок. 46 000 терминов / П. И. Гришаев, Л. И. Донская, М. И. Марфинская и др.; под ред. П. И. Гришаева, М. Бенямина. – 4-е изд., стер. – М.: Руссо, 1996. – 624 с. *Марр Н. Я.* Избранные работы / Н. Я. Марр. – М.; Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1933 – Т. 5: Этно- и глоттогония восточной Европы. – 1935. – 667 с. *Ондруш Ш.* Семантическая мотивация основных терминов права и торговли у славян и индоевропейцев / Ш. Ондруш // *Этимология* 1984. – М., 1986. – С. 176-181. *ПЮЕ* – Популярна юридична енциклопедія / Кол. авт.: В. К. Гіжевський, В. В. Головченко... В. С. Ковальський (кер.) та ін.. – К.: Юрінком Інтер, 2003. – 528 с. *РНЮС* – Русско-немецкий юридический словарь / под ред. Х. Энгельберта. – М.: ТРАСТ, 1995. – 720 с. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – 8-е изд. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007 – Т. 1. – 2007. – 621 с. *Cassirer E.* Philosophie der symbolischen Formen. Teil 1. Die Sprache / E. Cassirer – 10 - Aufl. – Darmstadt: Primus Verl., 1997. – 300 S. *Duden* Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache / Duden. – B. 7. – 3 - Aufl. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2001. – 960 S. *Köbler G.* Juristisches Wörterbuch / G. Köbler. – 9-Aufl.. – München: Verlag Franz Vahlen, 1999. – 503 S. *Levi-Bruhl L.* Die Seele der Primitiven / L. Levi-Bruhl. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. – 367 S.

УДК 811.111 (73) 37 38 373.46:82Браун - 3..08

ВИШНИЦЬКА Я. С.*(Запорізький державний медичний університет)*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНІ, СТИЛІСТИЧНІ ТА ПРАГМАТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ КОЛЬОРОНІМІВ У РОМАНІ ДЕНА БРАУНА «КОД ДА ВІНЧІ»

У статті розглядаються лінгвістичні й прагматичні особливості кольоронімів, які функціонують у романі Д. Брауна «Код да Вінчі». Ми зосереджуємо увагу на тих кольоронімах, які автор вживає найчастіше, з'ясовуємо, з якою метою вони з'являються у тексті, яке вони мають семантичне значення та вплив на читача. У статті розглянуто структурні особливості кольоронімів, виявлено їхні семантичні модифікації, висвітлено специфіку індивідуально-авторських найменувань кольорів.

Ключові слова: кольороніми, постмодернізм, первинне та вторинне значення, семантика кольору, структура, стилістичні особливості.

Вишницкая Я.С. Структурно-семантические, стилистические и прагматические особенности колоративов в романе Дэна Брауна «Код да Винчи». В статье рассматриваются лингвистические и прагматические особенности колоративов в романе Д. Брауна «Код да Винчи». Мы акцентируем внимание на тех колоративах, которые автор употребляет чаще всего, выявляем, с какой целью они появляются в тексте, какое они имеют семантическое значение и влияние на читателя. В статье рассмотрены структурные особенности колоративов, определены семантические модификации колоративов, раскрыта специфика индивидуально-авторских наименований цветов.

Ключевые слова: колоративы, постмодернизм, первичное и вторичное значение, семантика цвета, структура, стилистические особенности.

Vishnitskaya Ya.S. Structural-semantic, stylistic and pragmatic features of coloratives in Dan Brown's novel "The Da Vinci Code". In the article we study the coloratives in the novel of "The Da Vinci Code" and their features. We pay attention to the most frequently used coloratives, analyse semantic modifications of their meaning, explain the way they can influence on readers. The structural peculiarities of coloratives and their semantic modifications have been revealed and the specificity of the colours names created by Dan Brown has been determined.

Key words: coloratives, postmodernism, the first and secondary meaning, the meaning of colours, structure, stylistic features.

Мета даної статті розглянути колоративну лексику у романі Дена Брауна «Код да Вінчі». **Завдання**, які поставлені – це представити структурну, семантичну та стилістичну характеристики кольоронімів у романі, визначити, з якою метою автор вживає їх, а також охарактеризувати індивідуально-авторські колоративні лексеми (лексичні комплекси). **Предметом** дослідження є всебічна характеристика кольоронімів, вжитих у романі Дена Брауна «Код да Вінчі». **Об'єкт** – кольороніми роману «Код да Вінчі», їх структурна, стилістична та прагматична характеристики.